

Далеко-далеко, на берегу моря-океана, за тридевять земель и ещё за высокой горой, в маленьком городе у опушки бора жили два брата-художника. Младшего брата звали Добрый Художник. А старшего — Злой. Провёл старший брат чёрной-пречёрной краской черту.

— Всё, что по эту сторону,— моё! — сказал он младшему.

Видишь, ему досталась большая половина комнаты.

И большая половина окна.

И большая половина леса, который виден в окне.

И большая половина звёздочек, которые горят над лесом.

Стал Добрый Художник рисовать на большом листе бумаги картинки и буквы для азбуки: «А»... «Б»... «В»... Поглядел, а часть листа попала за чёрную черту к злому брату. Плохо, да что поделаешь.

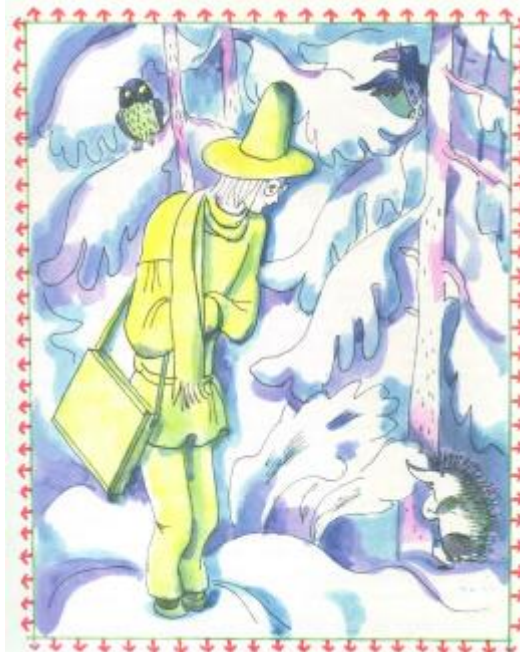
Работает Добрый Художник, рисует. К вечеру холодно ему стало, руки совсем замерзают. Пошёл он в дремучий лес — хворосту набрать и печку протопить.

Идёт он чащобой. Деревья трещат от мороза. Темно. Холодно. Страшно. Идёт он, идёт и вдруг слышит дрожащий голосок:

— Простите, пожалуйста, я ззз... а... мм... е... рр... ззз... аю...

Оглянулся Добрый Художник, а в сугробе, под ёлочкой, ёжик. Плохо бедняге: шуба заледенела, щёки побелели от мороза.

Ёжик-ежище — Чёрный носище... Знаете, когда Ёж возвращается из леса в нору, он снимает колючую шубу, вешает на гвоздь и надевает мягкую пижаму. И ежата, когда возвращаются из леса в нору, тоже снимают колючие шубки и надевают мягкие пижамы.

Но когда Ёж выходит из норы в лес, он никогда не забывает снять пижаму и надеть колючую шубу. И ежата тоже никогда не забывают. Колючки защитят и от лисы и от волка!

А от мороза трескучего? От ветра ледяного? Нет, от мороза и ветра они не защитят.

Пожалел Добрый Художник ёжика и положил его за пазуху: пусть бедняга согреется.

Положил он его на грудь и укололся больно-пребольно. И сразу почувствовал: что-то странное творится кругом. Будто бы он спит, но с открытыми глазами. И будто бы тепло стало в лесу.

Ели и сосны стряхнули снег, похлопали мохнатыми лапами, взяли за руки, окружили Художника, ведут хоровод, и маленькая ёлочка тихо приговаривает:

— Не бойся. Ничего страшного не случилось.

— Ничего не бойся! — вслед ёлочке повторяет мудрый старый пенёк в снежной высокой шапке.

— Просто-напросто ты стал волшебником. Так бывает с каждым, кто в зимнюю стужу, в морозную ночь повстречает Ежа-ежища — Чёрный носище и согреет его.

— Что же мне делать? — спросил Добрый Художник, который всё-таки очень испугался.

— Будь осторожен! — десятками голосов ответили ели, и сосны, и лесной ветер.

Синие подснежники на секунду выглянули из окошек снежных сугробов — своих домов, тоже сказали:

— Будь осторожен! — и снова скрылись в сугробах.

— Будь осторожен! — прокричал старый пенёк в снежной шапке. — Помни: это нелегко — стать настоящим Добрым Волшебником.

... Очнулся Художник, а он уже дома. В печке горит хворост. Тепло. На столе недорисованная азбука.

«Неужели мне всё только приснилось?» — подумал он.

Глядит, а из рубашки ежиные иглы торчат. Положил он иглы на стол, и вот уже это не иглы, а цветные карандаши.

Один, серый, карандаш укатился за чёрную черту — к Злому Художнику. Тот его — цап-царап. — Мой! — говорит. — Не отдам!

Добрый Художник сразу догадался: это не простые, а волшебные карандаши. И всё, что нарисует волшебными карандашами, будет живое!

И подумал он: «Нет у меня дочки. А какая жизнь без детей? С кем посмеёшься? Кому порадуешься? Кому сказку расскажешь?»

И решил он: «Дай нарисую я себе маленькую доченьку. И назову её Ёженька».

Взял и нарисовал.

Вот какая девочка получилась! Синеглазая, рыжая, с бантами — славная! Славная-то славная, только капризная немного. Огляделась Ёженька и захныкала:

— Ску-у-у-учно!

И Художник чуть не плачет: жалко ему девочку.

Подумал он и нарисовал море: спокойное, весёлое.

И небо нарисовал — ясное, без облачка.

И нарисовал Ёженьке шапку — золотую, как корона.

И лодку нарисовал — настоящую, из спичечной коробки.

И мачту.

И парус из розового лепестка.

И дал Ёженьке в руки синий воздушный шар.

И сказал дочке:

— Катайся по морю. Не скучай. А я отнесу азбуку в школу. А то дети всё спрашивают, как пишется «А», и как пишется «Б», и как пишется «В».

И он ушёл.

Злой уже тут как тут.

— Ага! Попалась! — закричал он страшным голосом и — р-раз! — распахнул окно.

А на дворе бушевала буря. Ворвался ветер в комнату. Завертелось всё, закружилось. Одежда летит, как птица крыльями машет. Лампочка под потолком раскачивается, как колокол:

«Динь-динь, динь-динь...»

Забурлило и нарисованное море.

Выше, всё выше поднимаются волны. Вот какие страшные белые гребни на них! Того и гляди, лодка утонет.

Уже и мачту сломало, и парус сорвало. Уже и не видать лодки среди волн...

— Ага! Попалась! — ещё раз страшным голосом закричал Злой и от радости подскочил до потолка. Вот какую он шишку набил себе на макушке!

— Конец тебе, глупая маленькая Ёженька!

Он очень не любил маленьких детей, этот Злой Художник.

Старший брат так страшно и громко закричал, что младший, хотя и был далеко, услышал и сразу прибежал домой.

Море бушует сильнее и сильнее.

«Всё пропало, — подумал Добрый Художник, — нет больше моей золотой Ёженьки!»

И только он успел это подумать, как из-под потолка раздался голосок:

— Ау! Я тут! Спасай меня! Ой! Ой! Спасай меня скорее!..

Взглянул Добрый Художник вверх и видит: над гребнями волн летит Ёженька, уцепившись за свой воздушный шар.

Но волны уже бьются о потолок: бум! бум! — и брызги во все стороны, ветер всё сильнее. Ещё немного — и он вырвет шар из Ёженькиных рук. Тогда Ёженька обязательно упадёт в море.

И утонет.

— Держись, Ёженька! — крикнул Добрый Художник, бросился в самую пучину, волшебным карандашом разгребая волны, и одним движением нарисовал остров среди океана.

И нарисовал Добрый Художник на острове три пальмы.

Одна пальма вон какая — шоколадно-пирожно-конфетная.

Вторая — морожено-пломбирная.

А третья — аптечная.

Мало ли что приключится! Вдруг Ёженька перекупается, или поранится, или слишком много конфет съест.

А Злой Художник пристроился рядом, прикрылся ладонью и рисует ужасные ужасы.

Он уже нарисовал своим карандашом одного... двух... трёх людоедов, чтобы они поймали Ёженьку и съели.

А Ёженька подлетела к острову и опустилась на него. Стоит смотрит и радуется солнцу, пальмам, жёлтому горячему песку под ногами, синему небу над головой.

Нарисовал Добрый Художник трёх братьев Ёженьке — трёх храбрых воинов, чтобы они защищали сестричку.

Первого, самого большого и сильного, — старшего воина, и назвал его Старший Ёж.

Второго воина, поменьше, — Среднего Ежа.

И ещё третьего, самого меньшего, — Маленького Ежа: надо же Ёженьке кому-нибудь рассказывать секреты.

И каждому воину дал щит. Он жалел Ёженькиных братьев.

И каждому нарисовал сердце.

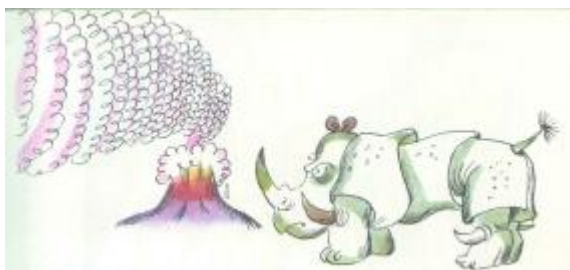
Старшему Ежу — золотое: сильное и горячее, как солнце.

Среднему Ежу — синее: верное и широкое, как море.

А самому маленькому — зелёное: доброе и ласковое, как трава.

Иначе братья были бы бессердечные.

И одно сердце, яркое, как радуга, он нарисовал про запас; это сердце он спрятал на самой верхушке конфетной пальмы.

А Злой Художник тем временем нарисовал ещё трёх людоедов; значит, всего их стало: $3+3=6$. Много!

И нарисовал он Чудовище-Пятирога: у него огромнейший острый рог на носу, да по рогу на каждой ноге.

И нарисовал гору. Из неё поднимается дым. Это не простая гора, а огнедышащая — вулкан. Он даже дым не дорисовал до конца, а уже крикнул страшным голосом:

— В бой, в бой, проклятые людоеды! Конец тебе, глупая маленькая Ёженька!

Послушались людоеды и метнули копья. Подняли и сомкнули щиты храбрые Ёженькины братья, защищая сестричку.

Три копья попали в щит старшего брата, два копья — в щит среднего, и одно — в щит самого маленького, того, которому Ёженька рассказывала свои секреты.

Сильно, очень сильно ударили копья. Но братья выдержали. Даже самый маленький выдержал.

А Злой Художник бьёт своим серым карандашом Чудовище, приказывает:

— Беги и сейчас же растопчи глупую Ёженьку! Побежало Чудовище.

Остров заколебался под его лапами, как при землетрясении.

Но Ёженька придумала, как победить врага, и шепнула об этом братьям.

Старший Еж подскочил и ухватился за вершину конфетной пальмы. Средний Еж повис на ногах старшего брата. А Ёженька и Маленький Еж уцепились за ноги среднего.

Согнулась пальма. До самой земли согнулась!

Как лук, согнулась высокая конфетная пальма.

А Пятирог уже совсем близко.

— Беги скорее, а то я тебя резинкой сотру! — подгоняет Злой Художник Чудовище. — Растопчи Ёженьку!

Это он только так похвастался, Злой Художник. Никакой резинкой не сотрёшь то, что нарисовано волшебным карандашом.

— Отпускай! — скомандовала тем временем Ёженька. Разжали Ёженька и её братья руки, упали на землю.

Пальма разогнулась. «Мишки», шоколадные бомбы, кремовые пирожные, торты полетели навстречу Чудовищу!

А вместе со сладостями полетело и сердце — то, запасное.

Чудовище увидело, какие вкусные вещи летят, и открыло пасть. Оно было хотя и Чудовище, но сладёна.

Проглотило оно сто тортов, тысячу пирожных, десять тысяч конфет и вдруг улыбнулось и сказала Ёженьке:

— Ни за что я тебя не растопчу и не проглочу. Давай будем дружить!

Ведь вместе со сладостями в него влетело сердце. И стало Чудовище доброе и милое.

Протянуло Чудовище Ёженьке лапу. И Ёженька смело протянула ему обе руки и тоже сказала:

— Давай будем дружить!

Всё бы хорошо, но Злой Художник стащил тем временем красный карандаш и нарисовал извержение вулкана. Всё загрохотало вокруг. Красный дым повалил из жерла вулкана и застлал небо. Льётся красная кипящая лава. А Злой Художник радуется.

— Пусть весь остров зальёт, и всё погибнет... — бормочет он про себя.

Уже поток лавы совсем близко, у самых ног Ёженьки и её братьев. Жаром пышет в лицо.

Страшно? Конечно, страшно. Только Ёженька не испугалась. Вот она улыбнулась, шепнула что-то воинам-ежам. Ещё секунда и повисли Ёженька и её братья на морожено-пломбирной пальме... Р-раз! — и полетели навстречу лаве три миллиона порций сливочного, шоколадного, лимонного мороженого.

И ещё миллион порций крем-брюле! Лава, конечно, тут же замёрзла. Жалко, столько мороженого пропало, но зато — урр-ра! — остров спасён.

...А Чудовище тем временем погнало людоедов к самому морю. А там пожалело их и спросило:

— Не будете больше людоедами?

— А мы и не людоеды вовсе. Нас только прозвали так, чтобы страшнее было.

— Воевать больше не будете? — спросило Чудовище.

— Честное слово, не будем!

— Никогда?

— Никогда!

— Тогда идёте мириться.

И помирились. И зажили дружно.

...А остров с тех пор стал называться Островом Нарисованных Человечков.

Ты посмотри на глобусе и, может быть, найдёшь его. А может быть, и не найдёшь, потому что он очень маленький.

Маленький, но какой красивый, зелёный! Пальмы весело болтают друг с другом. Из вулкана вытекла вся лава, так что внутри стало хорошо и просторно. Теперь там школа. А на стене в школе висит табель, в котором Старший Еж — он стал учителем — проставляет отметки всем ученикам.

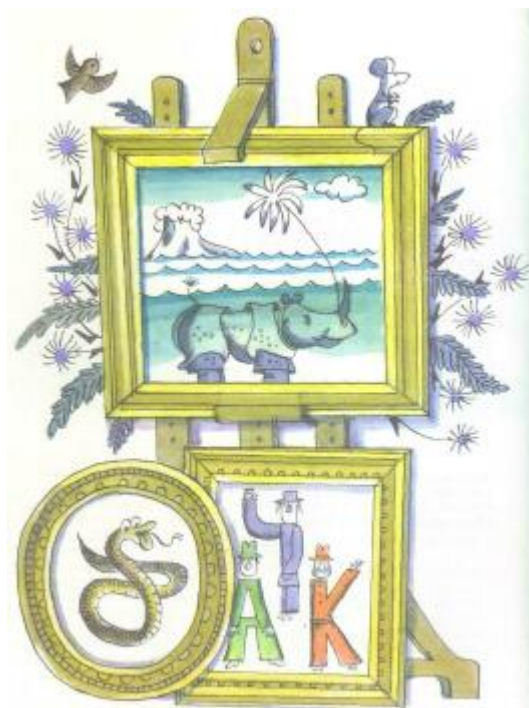
А шапочку Ёженькину, которая вроде короны, носят по очереди все. Кто дежурит по школе, тот и носит. Сегодня дежурит Чудовище.

После уроков Нарисованные Человечки идут купаться в море или катаются на катке, который сделан из замороженной лавы. Замечательный каток! Ёженька учит кататься Чудовище. Оно не очень-то ловкое, да и нелегко быть ловким, если ты такое громадное. Вот оно упало, всплакнуло было, но лизнуло лёд и сразу утешилось. Лёд-то ведь сладкий, из самого прекрасного мороженого.

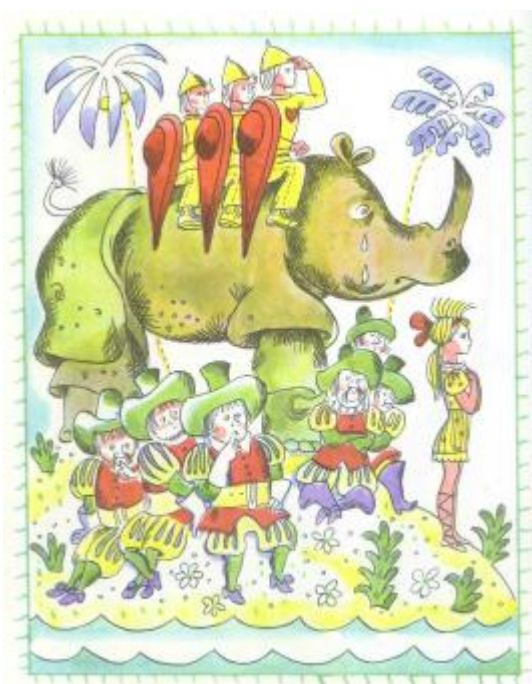
А иногда утром, в солнечный денёк, все Человечки стоят на берегу, около своих трёх пальм. Что они ищут глазами? Почему лица у них такие задумчивые, даже грустные? Особенно у Ёженьки. Может быть, они ищут дом за морями и лесами, да ещё за высокой горой, в маленьком городе, на опушке дремучего леса, — дом, в котором они родились и где живёт Добрый Художник.

Часто-часто стояла Ёженька на берегу Острова Нарисованных Человечков и глядела туда, где за синим океаном в маленьком городке остался её отец — Добрый Художник. Иногда в такие минуты подходило к ней Чудовище, осторожно касалось лапой плеча девочки — надо быть очень осторожным, если лапа весит сто килограммов да ещё если на ней такой острый рог,— и тихонько говорило:

— Что им сделается — твоему доброму отцу и моему злому? Живут-поживают, добра наживают... Пойдем поиграем, а то, когда ты грустишь, моё чудовищное сердце просто разрывается.

Однажды, когда совсем немоготу стало Ёженьке, она побежала к Маленькому Ежу, уткнулась носом ему в грудь и горько заплакала.

— Не плачь, — сказал Маленький Еж. — Я переплыву океан и привезу письмо от отца.

— Глупый! — ответила Ёженька. — Океан больше чем тридцать морей. Ты утонешь, а я умру с горя.

— Тогда давай срубим наши пальмы — конфетную, мороженую и аптечную — и свяжем плот, — сказал Маленький Еж. — На плоту мы с тобой уж наверняка переплывём океан.

— А что будут делать остальные Человечки? Бывшим людоедам ведь нужно очень много конфет, твои братья так любят мороженое, а Чудовище кашляет по ночам, без аптечной пальмы оно совсем разболеется.

— Ты права, — согласился Маленький Еж. — Я буду думать, вот и придумаю что-нибудь...

— Думай скорее! — попросила Ёженька.

С того дня Маленький Еж только и делал, что думал.

Нет, не даром волновалась Ёженька.

Там, в далёком маленьком городке, жил-поживал да добра наживал один только Злой Художник. Видишь, каким он стал толстым и важным.

Он украл у Доброго все волшебные карандаши и сказал ему:

— Ты только балуешься, глупые сказочки рисуешь для глупых детей, а я буду писать БЕШЕНЫЕ БУКВЫ!

ВОТ ПОГОДИ НЕМНОГО, УЗНАЕШЬ, КАКИМИ БЫВАЮТ БУКВЫ, ЕСЛИ ОНИ БЕШЕНЫЕ.

Только вот такой крошечный кусочек волшебного синего карандаша сумел Добрый Художник сохранить и припрятать от брата — на груди: пришил он к рубашке потайной карман.

Украл Злой Художник карандаши и сказал брату:

— Там к тебе звери пришли в гости: мышка, серый заяц и барсук. Во дворе в сараюшке тебя ждут, хотят о чём-то совета спросить.

Добрый Художник поверил и пошёл во двор к сараю: он был вообще доверчивый. А Злой тихо, на цыпочках, да за братом.

А когда брат вошёл в тёмный пустой сарай — это Злой всё придумал, что лесные звери пришли к Доброму Художнику за советом, — когда брат вошёл в пустой сарай, Злой Художник — раз! — и закрыл снаружи дверь на щеколду. Да ещё поленом крепко подпёр. И сказал через дверь:

— Неохота мне на тебя смотреть — не работаешь, скучный... Живи пока тут, в сараюшке-развалюшке. Кормить я тебя не стану. Может, помрёшь, а не то я тебя совсем со двора сгоню.

А потом сказал ещё:

— Моё имя самое хорошее: как услышат «Злой» — все боятся. А у тебя и не имя вовсе, а кличка какая-то — «Добрый». Велю тебя называть наоборот — ЙЫРБОД. Чтобы все забыли само это словечко «добрый».

Была в ту пору лютая стужа. В сараюшке ни щепки, да и печки нет. Зарылся Добрый Художник в солому, лежит в углу. Слезы из глаз льются и замерзают на худых щеках.

«Что делать? — думает он. — Что делать? Хоть бы смерть пришла...»

Добрый Художник мёрзнет в сарае, а Злой растопил жарко печку и рисует волшебными карандашами буквы. Вот на таких дощечках. С виду обыкновенные буквы, а на самом деле они БЕШЕНЫЕ.

ЗНАЕШЬ, КАК РИСУЮТСЯ БЕШЕНЫЕ БУКВЫ?

РИСУЕТСЯ ЗМЕЯ — ЖЕЛТАЯ И СТРАШНАЯ.

Потом жало её — чёрное и ядовитое.

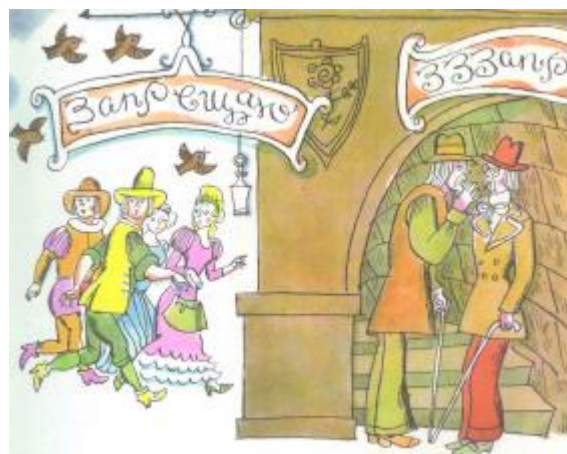
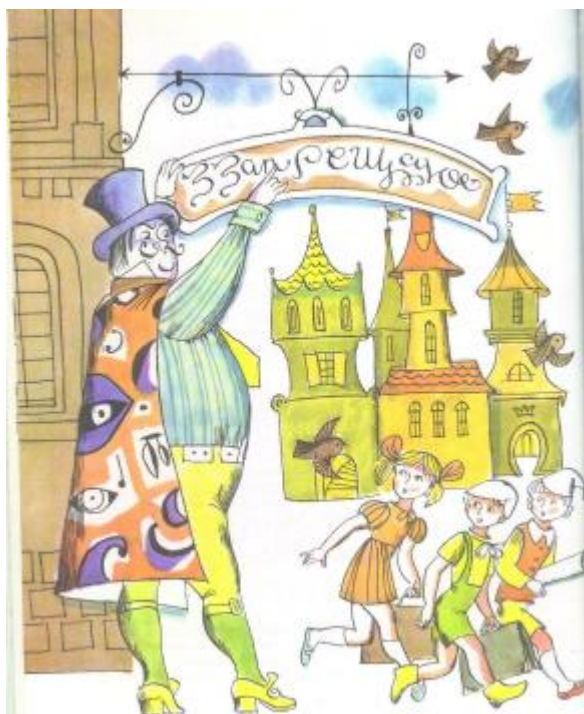
Потом согнётся змея вот так или вот так

Глядишь, и готовы буквы — страшные и ядовитые, — словом, БЕШЕНЫЕ.

Пишет Злой на дощечках одно слово — «ззапрещаю». Вот так, с тремя «З».

Одно «З», с которого «злость» начинается, другое «З», с которого начинается «зависть», и третье — змеиное «З».

Развесил он дощечки на самых высоких домах, а в лесу за городом — на самых высоких деревьях. Чтобы все видели.

Прыгали синички-сестрички по оледенелым веткам, перекликались: «Не унывайте, скоро весна!» А прочитали «ззапрещаю» и умолкли — страшно. И стал лес как мёртвый.

Вышли школьники во двор — поиграть. Стали в кружок, считают, кому водить. «Раз, два, три, четыре...» А «пять» не сказали. Увидели «зззапрещаю» и разбежались по домам.

И взрослые бегут — скорей, скорей! В подъезде два старичка шепчутся.

Один говорит:

— Сколько живу, всякое видел, а так плохо в нашем городе не бывало.

— Да, — отвечает другой старичок. — Надо бы к Доброму Художнику сходить, он бы уж что-нибудь присоветовал.

— Надо бы, — кивнул первый старичок. — Да слух идёт, вовсе и нет бедного Доброго Художника, извёл его брат, а есть какой-то Ёырбод — даже и не выговоришь.

Покачали старички головой, поохали, повздыхали и тоже спрятались в своих домах.

И стал город как мёртвый.

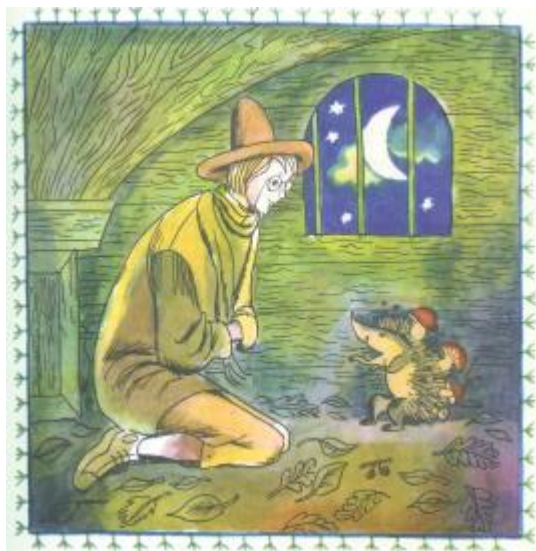
Повечерело. Задремал Добрый Художник, а тут дверь сарая скрипнула и скрипит, скрипит...

Открыл он глаза и видит: дверь приоткрылась и в сарай забралось что-то — не поймёшь что.

Похоже на куст, тоненькие веточки торчат во все стороны. На одной веточке — яблоко, румяное, наливное, на другой — вишни, а на этих и вовсе белые грибы! И ещё на ветках сухие хворостинки. Забралось это не поймёшь что в сарай и бежит по полу, прямо к углу, где лежит на соломе Художник.

Только и слышно: топ-топ-топ... И ещё: «Пф-пф-пф...»

«Если это яблонька, — думает Художник, — то почему на ней вишни? А если это и вишня, и яблоня, то откуда на ней грибы? И где это видано, где это слыхано, чтобы яблоня, и вишня, и белый гриб ходили — ногами топали, и дышали: «Пф-пф-пф...»? Нигде не видано! Может быть, это сон? Или это сама смерть?...»

Подумал так Добрый Художник и спрашивает:

— Отвечай, кто ты такой, куст ходячий? Или ты сон? Или ты смерть — за мной, Ёырбодом, пришла?

— Никакая я не смерть, — обиделся Еж-ежище — Чёрный носище. (Это был он.) — Стыдно старых друзей не узнавать. И никакой ты не Ёырбод, а самый обыкновенный Добрый Художник. Узнали звери и птицы, что ты приболел, послали меня проведать тебя и гостинцы отнести. Вишни синички-сестрички прислали, яблоко — серый заяц с барсуком, а грибы я сам под снегом раскопал.

Обрадовался Добрый Художник. То пластом лежал, а сейчас чуть не пляшет.

Еж-ежище тем временем сложил хворостинки на полу и разжёг костёр.

Ох как тепло стало!

Поджарил Еж-ежище грибы вкусно-превкусно. Съел Художник жареные грибы, яблоком и вишнями закусил — сил прибавилось.

— Давай думать, как дальше жить, — говорит Еж-ежище. — У тебя что, волшебных карандашей совсем не осталось?

Вынул Художник из заветного кармана кусочек синего карандаша и отвечает:

— Больше ничего нет.

— Для начала хватит, — говорит Еж-ежище. — Нарисуй-ка ты курицу. Я бульон на завтра сварю. Бульон очень полезен.

— Как же мне нарисовать курицу? Ведь синих кур не бывает.

— Тогда нарисуй-ка ты, нарисуй-ка... Ага, знаю, нарисуй-ка килограмм ветчинки. Только чтобы жира поменьше: жирное больному вредно.

— Так ведь и ветчина синяя не бывает.

Огорчился Еж-ежище, чуть не плачет. Спрашивает:

— Что же бывает синее?

Долго думал Добрый Художник и надумал:

— Сливы!

— Вот и хорошо. Нарисуй десятка два слив, я компот сварю. Компот для больного и слабого лучше всего.

— Нет, — отвечает Добрый, — раньше я должен написать письмо доченьке.

Сказал и написал синим волшебным карандашом на листке бумаги:

«Милая Ёженька! Тут у нас появились бешеные буквы, и стало очень плохо. Я по тебе ужасно соскучился. Пожалуйста, приезжай поскорее, хоть ненадолго. Только не одна приезжай, а с храбрыми воинами-Ежами. Они тебя в обиду не дадут. Твой отец»

Написал он письмо и нарисовал синим карандашом бутылку. Ведь всем известно, что на необитаемые острова и с необитаемых островов письма отправляют в бутылках: почтальонов там нет.

И пририсовал он к этой синей Волшебной Бутылке хвост и плавники, чтобы она могла плыть. И два синих-пресиних глаза, чтобы она видела, куда плывёт. Вот и получилась бутылка не бутылка и рыба не рыба — Рыба-Бутылка.

А тут как раз карандаш кончился: на сливы и не хватило. Положил Добрый письмо в бутылку и сказал Ежу-ежищу:

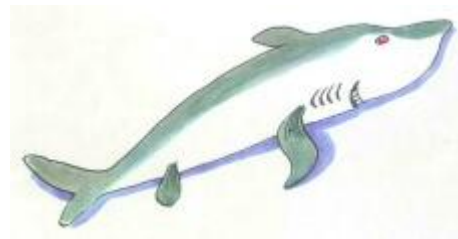
— Отнеси, пожалуйста, Рыбу-Бутылку к синему морю. Опusti её в синие волны, она и поплывёт куда нужно.

— Хорошо! — сказал Еж-ежище — Чёрный носище, взял Рыбу-Бутылку и пошёл к морю.

Идёт он через лес дремучий — топ-топ-топ, а навстречу выползла из норы Змея-Удав.

— Что это ты несёшь-шшш, Еж-ежищщще? — шшшшш-шшшшипит Змея-Удав.

— Это секрет, — отвечает Еж-ежище. — Тебе, злой Змее, я секрета ни за что не расскажу.

— Шшшш-шшшшш-шшшшш ты, что ли? Вовсе я не Змея, а добренький-предобренький Ужж-ж-жик. Собрался в гости к серенькому Зайчишке, вот и вырядился в костюмчик из змеиной шшшшшкурки, чтобы красивее быть.

— А чего же ты шипишь, если ты Уж, а не Змея?

— Жжжуб у меня болит — терпежжжу нет, оттого и шшшшшшиплю... Расскажи мне скорей секрет, а я побегу к доктору Дятлу, он жжжуб вылечит!

Поверил Еж-ежище Змее-Удаву и рассказал секрет. Змея сразу поползла к Злому Художнику и передала ему всё — про Волшебную Рыбу-Бутылку и про письмо Доброго Художника.

Ужасно рассердился Злой. Нарисовал он вот такую огромную Акулу. И сказал ей:

— Будешь плавать по морю-океану, пока не проглотишь Волшебную Рыбу-Бутылку. И забросил Акулу в море. И нарисовал ещё вот такого Коршуна и сказал ему:

— Будешь летать над синим океаном, пока Акула не проглотит Рыбу-Бутылку. А если не исполнит она моего приказа, выключешь ей глаза.

Выпустил Коршуна в небо. Потом подошёл к сараюшке, где его добрый брат жил, и через дверь сказал брату:

— За то, что ты Ёженьке письмо послал, сидеть тебе здесь десять дней и десять ночей. А потом я казню тебя. И вместе с тобой казню Ёженьку со всеми Нарисованными Человечками и Ежа-ежища — Чёрный носище с его ёжиками тоже казню. И никто на свете не узнает, что был такой Добрый Художник.

Сказал всё это Злой и позвал букву «Ч». Велел ей сторожить брата. Вот она стоит, меч в руке — чёрствая, чужая.

Вернулся Злой в дом и стал писать письма: Кощею Бессмертному и Змею Горынычу, старым своим друзьям, и всем, всем злым людям и злым зверям на свете.

Пишет он:

«Злобные Злые Злыдни!!! Через десять дней и десять ночей казнь я моего брата, Доброго Художника, и Ёженьку, и всех Нарисованных Человечков, и Ежа-ежища с его Ежатами. Казню синичек и других птичек. А после будет пир. И гостям хватит вкусной человечинки. Приезжайте скорее, злобные вы мои злыдни. Ваш друг Злой Художник».

Тем временем на Острове Нарисованных Человечков окончились в школе уроки, все разбрелись кто куда, а Ёженька с Чудовищем играют в классы.

— Твоя очередь! — сказала Ёженька. Приготовилось Чудовище прыгать и вдруг видит: над островом летит Ястреб, в кривом его клюве Мышка.

— Ой, ой, ой! Спасите! — пищит Мышка. — Ай, ай, ай! Помогите!

Чудовище подняло камень и швырнуло в Ястреба. Ястреб вскрикнул от боли, клюв у него разжался, и Мышка упала к ногам Чудовища. Глаза зажмурилась, дрожит от страха:

— Бо-бо-бо-юсь!

— Успокойся! — говорит Чудовище. — Ястреба и след простыл.

Мышка один глаз приоткрыла, потом другой, взглянула на небо и запищала:

— Эх, помешал ты мне! Я как раз собиралась его правой передней лапой ударить. Конец бы негоднику.

Качает Чудовище головой, улыбается.

— Ты чего зубы скалишь? — пищит Мышка. — Я ведь не обыкновенная мышка-норушка. В зоопарке вместе со слоном жила. На клетке так и было написано:

«Большая Слоновая Мышь» и «Малый Мышиный Слон».

— А какой он — слон? — спросило Чудовище, которое было любопытным.

— Обыкновенное глупое чудовище, как ты, только рогов нет.

— Ты его боялась?

— Я-то?! Это он от меня по всей клетке бегал. Думал, я — лев. Не видит, дурачок, что у меня и гривы-то нет. Потом осмотрелся, привык. Ходил за мной как собачка: «Расскажи да расскажи...»

— Что ж ты ему рассказывала?

— Разное. Звери по клеткам, а мне сам директор сказал:

«Раз ты не кто-нибудь, а Большая Слоновая Мышь, гуляй по городу сколько хочешь». Придешь, бывало, в библиотеку, тебе сразу тащат «Слоновую газету», и «Львиную газету», и «Мышиную газету». Вычитала, что один слон на берегу реки Конго с корнем вырвал сто кокосовых пальм. Рассказала моему слонишке-дурачишке. Он как засмеётся: «Это, ха-ха-ха, дядюшка Бумба! Обиделся дядюшка на тётушку, что она не так приготовила салат из стволов баобаба, вот и бушует».

А другой раз в «Слоновой газете» напечатали, что в Африке все реки вышли из берегов и затопили все деревни, а слониха ходила по горло в воде и спасала негрятя. Мой слонишка как поднимет хобот да как затрубит: «Ту-ту-ту! Слушайте все, все звери и люди, какая она храбрая и лучшая на свете, моя тётушка слониха Тумба... Ту-ту-ту!..»

Так беседовали Чудовище с Большой Слоновой Мышью. А Добрый Художник сидел в тёмном холодном сарае.

— Скажи, пожалуйста, сколько дней прошло и сколько ещё осталось до казни? — спрашивал он иногда букву «Ч», которая с мечом в руке стояла у двери.

А чёрствая буква «Ч» отвечала:

— Не люблю ни-ко-го и не скажу ни-че-го!

А Волшебная Рыба-Бутылка знай плывёт по волнам, по морям, хвостиком помахивает, гребёт плавниками, да ещё песенку поёт:

Я Волшебная Бутылка,

Да-да-да!

И не страшны мне ни горе,

Ни бе-да!

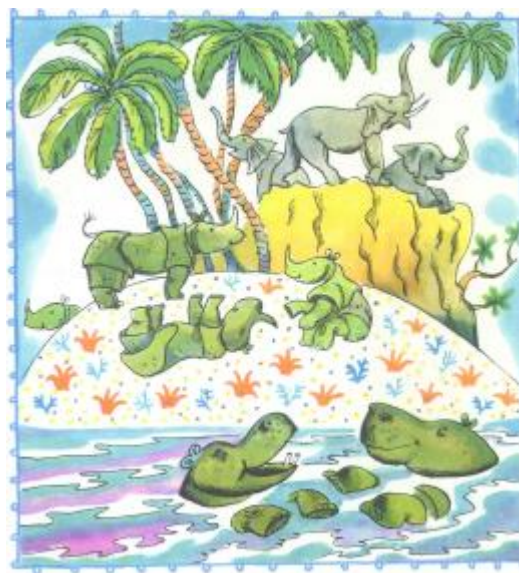
Выпрыгнула из волны, как летучая рыба, огляделась по сторонам и снова запела тоненьким голоском:

Я Волшебная Бутылка,

Ти-ри-рам!

И плыву, плыву, плыву

На страх врагам!

Плывёт Рыба-Бутылка, плывёт и вдруг видит: среди моря — земля. На земле жёлтая пустыня, голубое озеро и зелёная пальмовая роща. Бегемоты купаются в озере, носороги лежат на песочке в пустыне, лапы вверх подняли — загорают, слоны забрались в пальмовую рощу, где тень, хоботами покачивают, беседуют. Рыба-Бутылка подплыла к земле и закричала:

— Звери, звери, скажите скорее, где Остров Нарисованных Человечков?

Звери услышали и вышли на берег.

— Если ты злая Акула, мы тебе не покажем дороги, — сказал мудрый Главный Носорог.

— Я не злая Акула, — ответила Рыба-Бутылка и выскочила из волны, чтобы все увидели, что она действительно не Акула.

— Мы тебе верим, — сказал мудрый Главный Носорог. — Плыви два дня прямо, а потом день направо, а потом день налево и приплывёшь к Острову Настоящих Вулканов. Спроси их, как плыть дальше, они тебе расскажут.

— Ту-туу-туууу? — покачав хоботом, затрубила слониха Тумба. — Плыви и не сбейся с дороги. Но когда ты будешь плыть прямо, и когда ты будешь плыть направо, и когда ты будешь плыть налево, помни: БУДЬ ОСТОРОЖНА. По твоим следам плывёт злая Акула, смотри не попадись ей в зубы?

— Спасибо! — ответила Рыба-Бутылка и поплыла.

Плывёт она день — тихо-тихо, осторожно-осторожно, — а на второй день стало ей скучно, она и запела во весь голос:

Я Волшебная Бутылка,

Тим-по-по!

И несу-несу-несу

Волшебное письмо...

Акула сразу услышала Бутылкину песенку.

— Тебя-то мне и нужно, глупая болтунья, — сама себе сказала Акула, догнала Рыбу-Бутылку — ам! — и проглотила!

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ ДОБРЫЙ ХУДОЖНИК, НИЧЕГО НЕ УЗНАЕТ О ТЕБЕ ЁЖЕНЬКА И ЕЕ БРАТЬЯ ВОИНЫ-ЕЖИ. НИКТО НЕ СПАСЕТ ТЕБЯ... А МОЖЕТ БЫТЬ, ВСЕ-ТАКИ, КТО-НИБУДЬ ПРИДЕТ ТЕБЕ НА ПОМОЩЬ?!

Летит Коршун. Увидел сверху Акулу и кричит ей:

— Ну как, догнала Рыбу-Бутылку?

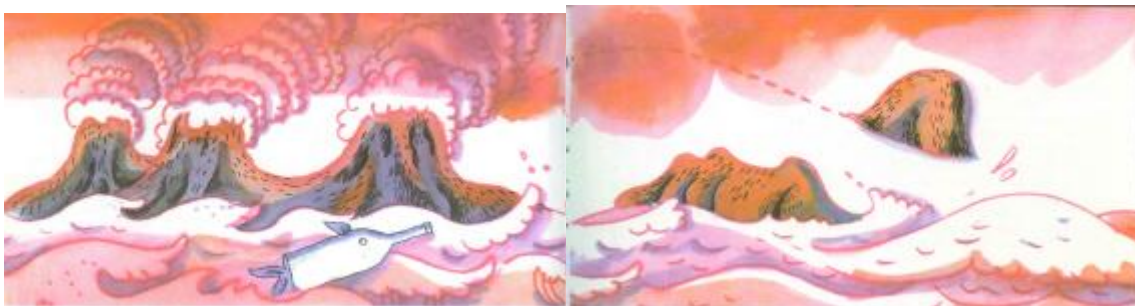
— Догнала!

— И проглотила?

— Проглотила!

— Твоё счастье, а то бы я тебе глаза выклевал. Ну, отдыхай, а я полечу к хозяину, доложу, что и как.

«В самом деле, надо поспать», — подумала Акула и зевнула во всё акулье горло. Рыба-Бутылка ка-а-ак выскочит из её горла — и мимо острых акулиных зубов в открытое море. Акула и не заметила — лежит на волнах, похрапывает. Рыба-Бутылка плывёт, торопится. Тихо плывёт — умная стала.

Прямо плыла два дня, потом день направо и день налево. И увидела Остров Вулканов, не нарисованных вулканов, а самых настоящих. Дышат огнём и чёрным дымом Вулканы. Швыряют в небо камни — бам-бам-бамм-бамм-трам-тарарам!

Услышали Вулканы от синичек, которые летели мимо, что Добрый Художник в тюрьме, ждёт казни, а по морю-океану рыщет злая Акула, вот и рассердились.

— Сейчас мы зальём огненной лавой океан! — хрипят могучие Вулканы. — Вода вскипит, и Акула сварится. Так ей и надо! Но что, если вместе с ней погибнет и могучий Кит, и мудрый Дельфин, и храбрый Рыба-Меч? Как быть?.. Как быть?! Бам-бамм-бамм!

Тем временем Рыба-Бутылка подплыла к берегу.

— Покажите, пожалуйста, дорогу к Острову Нарисованных Человечков, — тоненьким голоском вежливо попросила она. — Я не злая Акула, а Рыба-Бутылка. И меня нарисовал Добрый Художник, как Ёженьку и воинов-ежей.

Посмотрели Вулканы и видят: это и вправду не акула. Затихли они, успокоились.

— Мы покажем тебе дорогу, — прогремел Старый Вулкан. — Сейчас я брошу эту чёрную гору на самый край океана. Гляди на неё и плыви, никуда не сворачивай. Обогнёшь гору, покажется земля, а там три пальмы и друг мой — Погасший Нарисованный Вулкан — это и есть Остров Нарисованных Человечков.

Собрался Старый Вулкан с силами и швырнул чёрную гору далеко-далеко. Видишь — даже горизонт прогнулся.

Проплыла Рыба-Бутылка мимо чёрной горы и увидела Остров.

Синички-сестрички уже рассказали Человечкам про Рыбу-Бутылку. Стоят они на берегу, машут руками и кричат «Уррра!».

Рыба-Бутылка передала Ёженьке письмо и сказала:

— Перебирайтесь ко мне на спину — только по очереди, осторожно! Поплывём скорее, а то ведь Злой грозитя через три дня казнить нашего отца!

Стали Человечки в очередь, а Чудовище замешкалось и оказалось самым последним — оно ведь большое да неловкое. Ёженька и Маленький Еж забрались на Рыбу-Бутылку, и больше места не осталось.

— Ничего, — сказала Рыба-Бутылка. — Я Волшебная — раздуюсь!

Понатужилась и раздулась, как обещала. Теперь и Средний Ёж и Старший Ёж поместились на её спине.

— А мы-то как же?! — кричат бывшие людоеды. — Ни за что на свете не останемся без Ёженьки!

Вздохнула, тяжело вздохнула Рыба-Бутылка.

— Ну что ж, — говорит. — Хоть и ужасно трудно это, постараюсь ещё раздуться.

И постаралась! И раздулась! Теперь и бывшие людоеды сидят на Рыбе-Бутылке, ногами в воде болтают: как говорится, в тесноте, да не в обиде.

— Раздуйся, раздуйся, раздуйся ещё, милая, дорогая, Рыба-Бутылка! — молит Чудовище.

Рыба-Бутылка и сама чуть не плачет — жалко. Но разве может маленькая бутылка — пусть хоть и волшебная — раздуться так, чтобы на ней поместилось Чудовище?!

Спрыгнула в последнюю секунду Ёженька на берег, обняла Чудовище, поцеловала в нос и скорее обратно.

— Пожалуйста, вперёд! — командует она. Ударил Рыба-Бутылка плавниками, пенный след остался за её хвостом.

Сидит Чудовище на берегу опустевшего Острова и сквозь слезы смотрит на океан, где только волны с белыми гребешками.

— Совсем, совсем я осталось одно... — прошептало Чудовище. — И никому, никому на свете я не нужно!..

— Как же так «совсем одно» и почему это «никому не нужно»? — пискнула Мышь, вспрыгнула на Чудовище и похлопала его по плечу лапкой. — Не горюй, с тобой я, сама Большая Слоновая Мышь. Мы ещё такое придумаем, все на свете удивятся!

ПОГОДИМ НЕМНОГО, ВОТ И УЗНАЕМ, ПРИДУМАЮТ ЛИ ОНИ, БОЛЬШАЯ СЛОНОВАЯ МЫШЬ И ЧУДОВИЩЕ ПЯТИРОГ, ТАКОЕ, ЧТО ВСЕ НА СВЕТЕ УДИВЯТСЯ.

Плывёт Рыба-Бутылка, торопится. Теперь она песенку не поёт — дыхания не хватает: легко ли нести на спине Ёженьку, да ещё всех воинов-ежей, да ещё всех бывших людоедов?

Нет, не легко. Страшная буря поднялась в океане. Волны белыми своими языками слизывали звёзды, которые ближе к земле. Сто кораблей разбилось в щепки; тысяча кораблей спряталась в бухтах.

А Рыба-Бутылка плывёт без отдыха: ведь только два дня осталось до чёрного того часа, когда Злой пригрозил убить любимого их отца.

КТО ЗНАЕТ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ЗЛОЙ ХУДОЖНИК ПОДНЯЛ ТАКУЮ НИКОГДА НЕ ВИДАННУЮ БУРЮ, ЧТОБЫ ПОТОПИТЬ РЫБУ-БУТЫЛКУ?

Торопится Рыба-Бутылка. Человечки держатся за руки и поют во весь голос:

Плывём сквозь волны в те края,
Края родные,
Чтобы спасти, спасти отца
От тех, кто злые!

Вот уже вдали показался берег. А на берегу — город. На краю города, около дремучего леса, тот самый домик, где родилась Ёженька.

Рядом с домиком сараюшка-развалюшка. Там заперт Добрый Художник; ждёт он своего часа, а чёрствая буква «Ч» с мечом в руке стережёт его.

Сдержалась Ёженька, не стала плакать, только ещё громче запела. Может быть, отец услышит её голос и поймёт, что дети его близко.

Рыба-Бутылка пристала к берегу. Ёженька, а за ней воины-ежи и воины — бывшие людоеды соскочили на землю. Навстречу Нарисованным Человечкам спешила армия Бешеных букв.

Впереди буква «К»; у неё даже зубы выросли — такая она кровожадная.

— Убирайтесь, пока живы! — заорали Бешеные буквы.

— Освободите прежде нашего отца! — ответила Ёженька.

— Не освободим! — сказала свирепая буква «С». — Не уйдёте — будем воевать!

— Хорошо, будем воевать, — ответила Ёженька, а про себя подумала: «Трудно без Чудовища — ведь Бешеных букв с ядовитыми жалами в пять раз больше, чем нас!»

— В бой! Уничтожим Нарисованных Человечков! — скомандовала кровавая буква «К». Но Ёженька громко крикнула:

— Так не по-честному, не по-честному! Давайте считаться — кому начинать войну.

И буква «П», хотя и бешеная, но немного правдивая, тоже сказала:

— Да, так не по-честному. Будем считаться.

...Чудовище тем временем сидело на берегу опустевшего Острова под конфетной пальмой рядом с Большой Слоновой Мышью. Мышь знай грызёт орехи в меду, которые падают с пальмы, а Чудовище всё смотрит в дальнюю далёкую даль и тоскует.

С тех пор как Ёженька уплыла, не спит оно, не ест и вот каким стало — можно все рёбра пересчитать.

— Ума не приложу, как тебе помочь, — сказала Мышь. — Было бы ты слоном, я бы тебе посоветовала: иди по дну океана, хобот поднимешь и дыши через него. Так у тебя ведь и хобота нет — такое ты несуразное уродилось...

Пригорюнилась Мышь, а потом как пискнет:

— Ага! Придумала! — даже лапками захлопала от радости.

— Что, что ты придумала?

Осмотрелось Чудовище, а Мышки нет. Испугалось оно, взглянуло на небо — может быть. Ястреб снова унёс бедняжку? И Ястреба не видеть.

— И ты меня покинула, Мышенька! — заплакало Чудовище.

— И не думала я тебя, дурачка, бросать! — отозвалась Мышь из-под земли...

— Вот она где я! — через минуту пискнула Мышь; голос её прозвучал уже не из-под земли, а откуда-то между небом и землёй...

— Выше голову! — пискнула она ещё через несколько минут, и Чудовище увидело Мышь на самой верхушке конфетной пальмы.

— Как ты там очутилась? — спросило оно, ужасно удивлённое.

— Подрылась к корням и прогрызла ход по срединке ствола.

— Но ведь пальме больно! — воскликнуло Чудовище.

— Не забывай, что перед тобой не мышка-норушка, а сама Большая Слоново-Пальмовая Мышь! Я-то знаю, как прогрызать ход в пальме, чтобы ничего не повредить... Ну, хватит болтать. Вырывай пальму с корнем! Слушайся старших, иначе не видать тебе Ёженьки... Так! Надвинь пальму покрепче на нос! Дыши через ствол! Дышишь?

— Ага! — глухо отозвалось Чудовище.

— Прекрасная картина, скажу я тебе! Жаль, что ты не видишь самого себя... Ну ладно, марш в океан!

— На дне темно и страшно... Я не найду дороги.

— Что ж... Если ты очень попросишь... И если ты сорвёшь вот это кремовое пирожное с пальмы... и кусочек орехового тортика... Когда так много думаешь, без орехового торта не обойтись... И это миндальное печенье... Ну что ж, пожалуй, я соглашусь отправиться с тобой и командовать.

— А ты умеешь?

— Что тут особенного, если ты не кто-нибудь, а Большая Слоново-Пальмовая Мышь-Капитан?! И если у тебя на голове во-о-от такая настоящая морская фуражка с золотым капитанским гербом. И если ты умеешь стоять на капитанском мостике в самую страшную бурю и пищать в переговорную трубку: «Полный вперёд, пустой—наоборот!.. Право руля, лево — тру-ля-ля!.. Тысяча дьяволов и один серый кот!» — и всякие другие морские капитанские команды...

— Но почему-то... я не вижу на тебе капитанской фуражки, — робко возразило Чудовище, изо всех сил протирая лапами глаза.

— Что поделаешь, мерзкий растяпа Ястреб все мои вещи уронил в океан; доверяй после этого людям, зверям и птицам... Но ведь можно командовать и без фуражки. Мы, мыши, а особенно Большие Слоново-Пальмовые Мыши-Капитаны, всегда считали, что важнее не то, что на голове, а то, что в голове. Согласно, Чудовище?

— Согласно! Согласно!

— Тогда смело в путь! Слушать мою команду! — пискнула Мышь. — Полный вперёд!

В океане теперь творилось такое, чего ещё никогда и никто не видел!

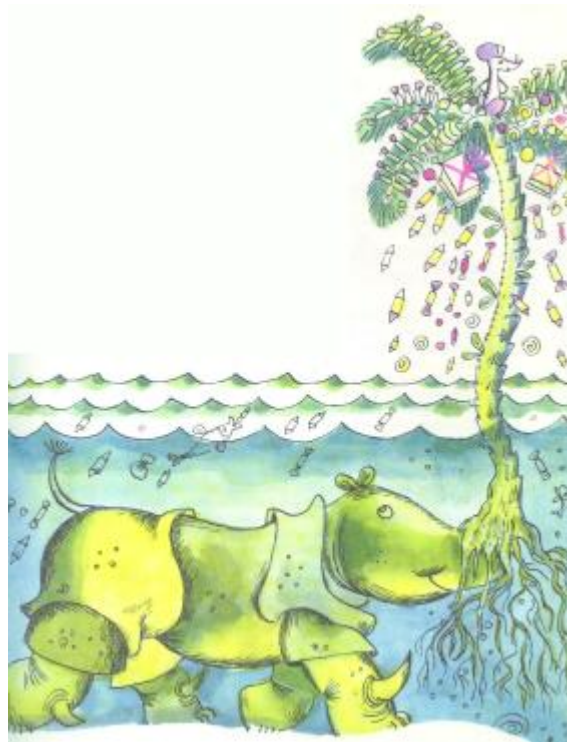
Чудовище шагало по дну, а на поверхности океана, разрезая волны, скользила высокая красивая зелёная пальма.

— Фьють-фьють!.. Тиу-тиу-тиу!.. Чок-чок-чок!.. Ходячая пальма, плавучая пальма! — кричали птицы.

Пальме пришлось по вкусу, что кругом столько воды: ведь на Острове дожди выпадали редко. Она пила всеми своими корнями, весело шумела листьями и роняла в океан конфеты.

Она бросала в волны ириски и тянучки, леденцы зелёные, синие, жёлтые, шоколадные конфеты с кремовой и марципановой начинкой и с начинкой ромовой, розовый и белый зефир, сливочные и шоколадные помадки, пригоршни яблочного мармелада...

Рыбы-дети узнали, что вот такое чудо плывёт по океану и дарит конфеты — ешь сколько влезет. А ведь они никогда и не видели конфет, только знали из рыбьих книг и сказок, какая это самая вкусная штука на свете.

А рыбы-дети и морские зверята, вместе с мамами и папами, из всех морей и от всех берегов океана что было духу поплыли к конфетной пальме. Моря в одно мгновение опустели; рыбаки, вытащив невод, покачивали головой, не могли взять в толк, что же такое приключилось.

Конфетная пальма бросала и бросала орехи в меду, клюкву в сахаре, конфеты «Раковая шейка» и «Мишка», монпансье, халву, карамель «Птичье молоко», «Прозрачную» и «Угадай-ка». Даже вода в океане вокруг пальмы стала не солёная, а сладкая.

Дельфинята, китята, осетрята, медузята, белужата, морские ежата, меч-рыбята и другие рыбы ребята плыли за конфетной пальмой; собралось их столько, что воды не видно. Куда ни взглянешь — раскрытые рыбы рты.

Летучие рыбята ловили розовый и белый зефир прямо в воздухе. Двое сельдят-одноклассников, которые всегда ссорились, схватили сливочную тянучку и поплыли в разные стороны. Тянучка возьми и притяни их друг к другу.

— Ничего не поделаешь, будем дружить, — сказал старший сельденок. И они вместе съели эту волшебную тянучку и с тех пор всегда всем делились.

Птицы летели в дальние северные страны и в дальние южные страны и везде рассказывали о чудесной конфетной пальме, которая плывёт по океану.

Белые медвежата, тюленята, моржата, морские зайчата, пингвинята обыкновенные и пингвинята, дети королевских пингвинов, сошли с ледяных берегов и поплыли поскорее.

Нагрянули утром охотники на котиковые лежбища, а там ни котиков-пап, ни котиков-мам, ни котиков-детей.

Толстая мама-тюлениха едва поспевала за своими детками и на ходу говорила:

— Много конфет не ешьте — от сладкого испортятся зубки и заболит животик!

А Большая Слоново-Пальмовая Мышь-Капитан стояла на вершине дерева между зелёных листьев и командовала:

— Право руля! Тысяча морских дьяволов и один серый кот!

Чудовище шло и шло по дну океана. Оно чувствовало, что Ёженька с каждым шагом всё ближе, и сил у него прибавлялось.

Вот и Остров Настоящих Вулканов показался.

— Куда ты спешишь, о шагающая по волнам прекрасная Королева Пальм? — прогрехотал Старый Вулкан. — Я догадался, кто ты, потому что лишь у Королевы может быть такая летающая и плавающая свита — медведи и тюлени, рыбы и птицы.

— Мы идём на помощь Ёженьке, — отозвалась из зелёной пальмовой кроны Мышь.

— Счастливого пути! И поторопись, о могучее королевское дерево с пискливым голосом. Жерло моё кипит от тревоги за Доброго Художника и его детей.

— Полный вперёд! Самый полный! — пискнула Мышь.

Чудовище побежало так быстро, так сильно топоча, что дно океана заколебалось под его лапами.

А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ...

Тем временем Нарисованные Человечки вместе с Бешеными буквами стали в круг и принялись считать: кому первым начинать войну.

Сначала посчитались Ёженькиной считалкой.

Вышло начинать Нарисованным Человечкам.

Потом посчитались злой считалкой.

И опять вышло — начинать Человечкам.

— Война — завтра утром! — сказала Ёженька. — Спокойной ночи!

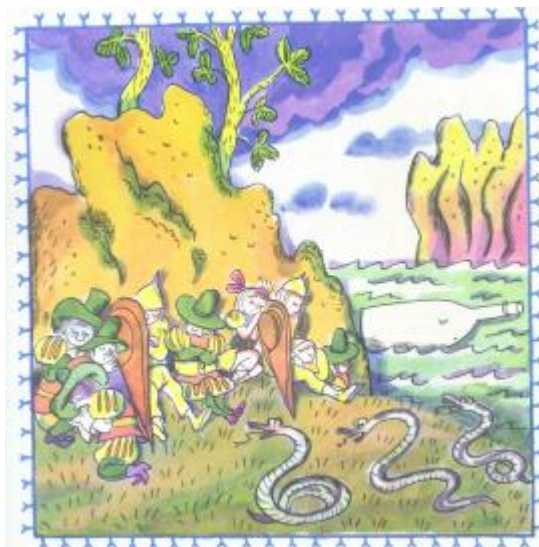
Ничего не ответили Бешеные буквы.

Ёженька, и воины-ежи, и воины — бывшие людоеды отошли, улеглись на песочке около прибрежной скалы и уснули.

Они ведь очень устали после такого трудного плавания.

Рыба-Бутылка покачалась на волнах и тоже уснула. Тихо стало, темно...

А как только стало тихо и темно, зашептались, зашипели Бешеные буквы:

Выстроилась змеиная очередь. Скоро не стало в здешних местах ядовитых змей.

Только одна самая вредная Змея не захотела отдать ядовитое жало. Поползла она к Злому Художнику, приползла и зашипела:

— Мы побежжжены!..

«Надо бежать», — решил Злой Художник; он ведь был злой да трусливый. И побежал что было мочи.

Продирается он сквозь колючие кустарники, с кочки на кочку перепрыгивает, карабкается через горы и скалы. А за ним ползёт Змея.

Совсем они выбились из сил и вдруг видят — среди дремучего бора избушка на курьих ножках. На пороге сама Баба-Яга.

— Спаси нас, кума! — взмолился Злой Художник.

— Хи-хи-хи, я битым не спасительница, — ответила Баба-Яга. — Это добрые да глупые любят несчастненьких. И больше не кума я вам, дуракам, а хозяйка. Будешь ты, Злой, воду мне таскать, печь топить и щи варить. А сам будешь под лавкой спать да кости глотать. А тебя. Змея, я на цепь посажу, вместо собаки; собака-то сбежала, не захотела мне служить.

— А если я опять в силу войду? — спросил Злой.

— Если бы да кабы... Тогда другой разговор. А теперь — марш в лес! Чтобы к вечеру сто вязанок дров принёс!..

А Коршун тем временем опустился на землю около Доброго Художника и сказал:

— Ужасно надоело быть злой птицей Коршуном. Пожалуйста, прими меня к себе в дети!

— Хорошо! — согласился Художник. — Только слетай сначала в Далёкие горы, зачерпни из родников ведёрко мёртвой воды и ведёрко живой воды!

Коршун послушался, полетел в Далёкие горы и принёс живую и мёртвую воду.

Опрыснул Художник сперва мёртвой водой, а после живой всех бывших людоедов. Среднего Ежа и Старшего Ежа, которые лежали около скалы, где их ужалили змеи.

Старший Еж открыл глаза, потянулся, поднялся на ноги и сказал:

— Ах, как долго я спал!

А за ним открыли глаза, потянулись и встали все другие Человечки. И тогда... Вот тогда-то Художник объявил:

— Завтра пир на весь мир!

Была лютая зима, а тут растаял снег, зазеленела трава, распустились листья на деревьях и расцвели цветы.

Собрали Человечки со всего города столы и поставили их один к одному от дома, где жил Художник, через лес и до океана, и в океане тоже, чтобы и рыбы и рыбы ребята могли быть на пире.

Откуда ни возьмись, появились пауки и соткали вот такую — серебряную и золотую — скатерть на весь стол.

Вырыли яму и посадили конфетную пальму. Она сразу зашумела листьями:

— В океане хорошо и тут прекрасно, мне везде нравится!

Такая славная пальма. Шумит пальма листьями и без счёта роняет на праздничный стол конфеты — одна вкуснее другой.

И созрели на ней бутылочки с ананасно-клубничной шипучей водой и с апельсиновым лимонадом.

Муравьи разнесли по столу семена цветов, и в один миг выросли колокольчики с большими синими чашечками цветов, чтобы было из чего пить взрослым, а для детей, зверят и рыбок распустились чашечки ландышей.

Когда стол был накрыт и гости расселись каждый на своём месте. Добрый Художник сказал:

— Если бы не Еж-ежище — Чёрный носище, не было бы Ёженьки и всех других Человечков. Да и я не дожился бы до этого часа, а умер бы от голода и холода. Крикнем «ура» в честь Ежа-ежища и попросим его рассказать нам что-нибудь про себя.

Все крикнули или заревели—кто как привык—»Ура!«, а Большая Слоново-Пальмовая Мышь-Капитан тихонько пропищала:

— Если КОГО-ТО превозносят, будто он невесть кто, а КОГО-ТО забыли, будто не ОНА совершала неслыханные подвиги — ох, короткая память даже у Добрых Художников! — то КТО-ТО не будет ничего есть, разве только сгрызёт десяточек орехов в меду, да две-три шоколадные конфетки, — чтобы уж совсем не помереть с голоду.

Еж-ежище покраснел до самых корней иголок и, когда затихло «ура», сказал:

— Живу я в норе вместе со своей Еж-ежовной — Чёрной носовной и Еж-ежатами — Чёрными носятами. Ничего, кроме родного леса, не видел, так что и говорить мне не о чем. Но тут среди нас неустрашимый морской волк, то есть я хотел сказать — неустрашимая морская Мышь-Капитан. Она-то, уж наверно, совершила больше подвигов, чем у меня иголок. Пусть бы она рассказала нам что-нибудь...

Все закричали и заревели: «Просим! Просим!», а рыбы и тюлени захлопали плавниками и лапами по воде, но Большая Слоново-Пальмовая Мышь-Капитан только развела лапками:

— Конечно, когда избороздишь все моря и океаны на разных чудовищах, конфетных пальмах и кораблях и когда доведётся столько раз командовать битвами с осьминогами, пиратами, кошками и всякими там Бешеными буквами, есть что вспомнить. Но детвора любит сказочки. А мы, морские капитаны, сочинять не мастера. И у нас, морских капитанов, так уж повелось, что то, что было — не обессудьте, — было, а то, чего не было, того, извините, не было..

С этими словами Мышь села, но все так оглушительно закричали: «Пусть говорит! Слово Большой Слоново-Паль-мовой Мыши-Капитану!», что она в конце концов рассказала о некоторых событиях своей жизни.

О том, как она воспитывала Слона и никогда не шлёпала его, не ставила в угол, хотя было за что.

И как она дрессировала Ястреба, чтобы он перестал разбойничать, а честно зарабатывал себе на хлеб, перевозя через моря некоторых капитанов, если уж они позарез понадобились на каком-нибудь далёком острове.

И как она стояла на капитанском мостике и командовала Чудовищем, так что голос её заглушал рёв бури: «Право руля! Лево тру-ля-ля!»

И как сам Старый Вулкан, совсем было собравшийся извергнуться и залить лавой все моря я острова, залюбовался ею да и передумал извергаться. И всё повторял, что, конечно, на худой конец, можно дожить век Вулканом, но насколько чудеснее было бы хоть немного походить на такую вот Большую Слоново-Пальмовую Мышь-Капитана.

— Ничего, — сказала я ему, чтобы старичок не огорчался. — Когда-нибудь в свободное время я научу тебя капитанскому делу, и ты ещё успеешь кое-что повидать...

Так она рассказывала и рассказывала. А Художник кивал головой и улыбался — ему очень нравилась эта маленькая Большая Слоново-Пальмовая Мышь.

А Морская Корова, которая сидела за столом рядом с Мышью, хотела сказать своему любимому морскому телёночку, что эта Мышь и действительно очень храбрая, если всё говорит не умолкая, когда на столе столько вкусного, и не боится, что всё съедят без неё. «Вот с кого надо брать пример», — хотела она сказать своему телёночку, но не сказала, потому что рот у неё был набит конфетами.

А потом все попросили Рыбу-Бутылку спеть её песенку. Она сказала, что у неё болит горлышко и вообще она не в голосе, но потом очень хорошо спела:

Я Волшебная Бутылка,
Да-да-да!
И не страшны мне ни горе,
Ни бе-да!

Ей очень хлопали и громче всех хлопало Чудовище. От букв выступила молчаливая буква «Ч» и сказала:

— Главное — быть настоящим чччеловеком. И не быть чччёрстым. И не быть чччужим для других людей. Ччче-ловек к чччеловеку должен относиться по-чччччеловечески.

— И к Человечкам тоже, — прибавила Ёженька.

— И к зверям, — сказал Белый Медведь.

— И к рыбам, китам и дельфинам! — сказал Дельфин.

— И деревьям, ц-цветам и т-травам он тоже не должен быть ч-чужим, — заикаясь от волнения, прошелестела конфетная пальма.

А потом Ёженька сказала:

— Чудовище-Пятирога все называют «Чудовище». А ведь оно совсем не чудовищное. Давайте будем называть его «Чуп» — это хорошее имя.

— А может быть, дадим ему имя «Мичуп» — «Милый Чуп»? — сказал Добрый Художник.

Всем это понравилось. Все закричали: «Ура-урра-уррра Мичупу!», а Мышь про себя пропищала, что лично она не признаёт такого рода хвalebных прозвищ.

— Не позволю же я себя называть Мимышь — Милая Мышь, или Храмышь — Храбрая Мышь, или Мумышь — Мудрая Мышь. Скромность, скромность и ещё раз скромность — вот чего, к сожалению, не понимают даже некоторые Добрые Художники.

Потом крикнули громовое «УРРРРРА!» в честь конфетной пальмы. Тогда от радости на ней выросли конфеты, которых раньше не было никогда и нигде на свете.

Эти конфеты называются вот так:

«Етевсанатефнокаянсуквяамас! «

Даже название этой конфеты не выговоришь, а как описать вкус её, когда она и шоколадная, и мармеладная, и сливочная, и леденцовая, и ореховая, и зефирная, и ананасовая, и мороженая, и пирожная, и всякая другая?!

Если уж очень захочется самому попробовать эту конфету, надо выучить её название — «ЕТЕВСАНАТЕФНОКАЯНСУКВЯАМАС», и надо прочесть это название наоборот — от последней буквы до первой — интересно, что получится? И надо узнать, где сейчас находится конфетная пальма: ведь говорят, что после своего плавания через океан она очень пристрастилась к путешествиям.

А когда ты отыщешь, наконец, конфетную пальму, надо ведь ещё обрадовать её.

Иной скажет, что это-то совсем легко — иногда радует даже просто улыбка, даже просто одно вовремя сказанное слово. А другой ответит, что такая улыбка и такое слово — самые редкие и драгоценные дары на свете.

Несколько минут за столом было совсем тихо — все ели конфеты «ЕТЕВСАНАТЕФНОКЯАНСУКВЯАМАС».

А потом... Потом, к сожалению, мама-тюлениха оказалась права: у самого младшего тюленёнка-ребёнка заболел живот. Доктор Дятел не смог ему помочь — у него не было тюленьих лекарств. И тюлени заторопились домой.

И морские зайцы, моржи, морские коровы, белые медведи, пингвины королевские и пингвины простые, киты и дельфины, меч-рыбы и селёдки, морские звёзды и медузы — словом, все-все тоже заторопились домой, потому что в звериных и рыбьих школах кончались каникулы и надо было поспеть к началу занятий: дорога не близкая!

Все-все распрощались друг с другом, расцеловались — и поплыли по домам: кто на север, кто на юг, кто на восток, кто на запад.

Они плыли и пели Ёженькину песню:

Плывём сквозь волны в те края,
Края родные,
Чтобы сберечь весь белый свет
От тех, кто злые!

А Добрый Художник и его дети стояли на берегу и махали рукой; Мичуп махал лапой, конфетная пальма — листьями, Коршун — крыльями, Еж-ежище — всеми своими иголками.

